

УДК 177.61

Феномен преображенной любви в творчестве Ф.М. Достоевского

А.М. ШАТАЛОВИЧ, И.В. БОЙКО

Национальная металлургическая академия Украины, г. Днепропетровск, Украина,

E-mail: shatalovicham@yandex.ru

Авторське резюме

В статье выявлено содержание феномена преображенной любви в творчестве Ф.М. Достоевского на материалах романа «Идиот». Проблеме анализа феномена любви в творчестве Ф.М. Достоевского посвящено множество философских исследований. Большинство исследователей акцентируют внимание на жертвенной (агапической) любви, либо акцентируют внимание на эротическом характере любви. Этот подход существенно сужает феномен любви, описываемый писателем в образе князя Мышкина. Исследование проявления любви князя проведено с помощью четырех понятий, освещающих четыре ключевых аспекта любви: эрос, агапе, филия и сторге. Так, основные признаки любви-эроса у князя Мышкина, в частности: стремление к красоте и восхищение ею, пламенность и пылкость, безрассудство и иступление несут положительное значение, то есть свидетельствуют, что его любовь-эрос была иерархически направлена на более возвышенные блага. Любовь-агапе составляет сердцевину феномена преображенной любви со свойственными ей жалостью, состраданием, жертвенностью, заботой, прощением. Любовь-агапе и любовь-эрос тесно переплетаются в душе Мышкина. Но за счет доминирования любви-агапе, любовь-эрос наряду с другими аспектами любви преобразуется, становясь из страстного бесстрастным. Любовь-филия проявляется у князя Мышкина в родственности душ, общности взглядов, взаимопонимании, доверии, а любовь-сторге в привязанности, вызывающей душевный покой или тоску. В результате исследования было доказано, что князь Мышкин выступает идеологом преображенной любви, сочетая в себе все ее четыре аспекта. Подтверждением преображенного характера его любви служат созидательность, способность духовно преобразовать не только ее носителя, но и людей вокруг.

Ключевые слова: любовь, эрос, агапе, филия, сторге, князь Мышкин, Достоевский.

Phenomenon of transforming love in the works of F.M. Dostoyevsky

A.M. SHATALOVICH, I.V. BOYKO

National metallurgical academy of Ukraine, Dnipropetrovsk, Ukraine,

E-mail: shatalovicham@yandex.ru

Abstract

The article revealed contents of the phenomenon of transforming love in the work of Dostoevsky on the materials of the novel «The Idiot». Many philosophic studies were devoted to the problem of analysis of the phenomenon of love in the works of F.M. Dostoyevsky. Most researchers emphasize the sacrificial (agapic) love, or focuses on erotic nature of love. This approach significantly constricts the phenomenon of love described by the writer in the form of Prince Myshkin. The study of love of Prince was carried out using four concepts covering the four key aspects of love: eros, agape, philia and storge. Thus, there are main features of love-eros of Prince Myshkin, such as: drive for beauty and its admiration, ardor and impetuosity, recklessness and frenzy, which are positive, i.e. they are the evidence that his love-eros was hierarchically focused on more exalted goods. Love-agape is in the center of the phenomenon of transforming love with its pity, compassion, sacrifice, care and forgiveness. Love-philial is demonstrated in Prince Myshkin by similarity of views, common ground, mutual understanding, trust and love-storge – by affection causing peace of mind or depression. Thus, the study proved that Prince Myshkin is an ideologist of transforming love, combining all four aspects of it. Creativity, the ability to change spiritually not only the love medium but also the people around is the evidence of his transforming love.

Keywords: love, eros, agape, philia, storge, Prince Myshkin, Dostoevsky.

Постановка проблемы. Что есть любовь? Что мы о ней знаем? Что мы хотим о ней узнать? Эти актуальные вопросы требуют своего осмысления от каждой эпохи и от каждого человека. Сегодня, когда феномен любви зачастую рассматривается лишь через свое физическое проявление, как никогда справедливой оказывается одна неоспоримая правда: «тайна сия велика».

Желая ознакомиться с различными проявлениями любви, следует обратиться, прежде всего, к искусству, воплощенному в живописи, архитектуре, литературе. Именно искусство

говорит об этом феномене самым подходящим языком – «нелогичным», образным, неформализованным. Однако не существует такой формы искусства, которая смогла бы отобразить всю полноту душевных переживаний, кипящих в любящем человеке. Искусство лишь проливает свет на отдельные аспекты любви, не проясняя в полноте этого феномена.

Более четко сущность любви освещается в философской литературе, которой подвластно многое: изучение условий ее становления, обобщение признаков и выявление закономерностей. Однако философия, которая оторвана от

© А.М. Шаталович, И.В. Бойко, 2014

жизненного опыта, выражаемого искусством, не в силах досконально раскрыть феномен любви, поскольку не может наблюдать в динамике человеческие отношения и переживания.

Поэтому в данной работе предпринимается попытка проанализировать в философском ключе феномен любви на базе богатого жизненного опыта, выраженного творческим гением Ф.М. Достоевского.

Анализ исследований и публикаций. Проблеме анализа феномена любви в творчестве Ф.М. Достоевского посвящено множество философских исследований, в числе которых укажем работы Н. Бердяева [2], Б. Вышеславцева [4], Л. Карсавина [7], Д. Мережковского [9], Д. Орвин [10].

Большинство исследователей акцентируют внимание на жертвенной (агапической) любви как наиболее ключевой для творчества Ф.М. Достоевского. Так, например, Д. Орвин обращает внимание на то, что писатель считал любовь чувством истинно бескорыстным. Его позицию относительно любви исследовательница систематизирует в качестве конкретного нравственного порядка: «Быть добрым к другим и даже жертвовать собой ради их блага – это есть добро; действовать из эгоистических побуждений, особенно попирая таким образом индивидуальную свободу и права других – это зло» [10]. Такое самопожертвование, с точки зрения Д. Орвин, есть отличительный признак того, что Ф.М. Достоевский называет истинной, христианской любовью.

В то же время позиция, которой придерживается Д. Орвин, существенно сужает феномен любви, описываемый писателем в образе князя Мышкина. Это объясняется тем, что исследовательница не дает четкого деления основных аспектов любви. Более того, она выносит жалость за пределы феномена любви, обращая ее в страсть. Поэтому с ее точки зрения, Рогожин сравнивает жалость Мышкина со своей собственной страстью, что противоречит духу христианской любви князя Мышкина. Кроме того, из рассуждений исследовательницы не совсем понятно как красота Настасьи Филипповны может вдохновлять на жалость.

В отличие от Д. Орвин, исследователь Н. Бердяев акцентирует внимание на эротическом характере любви в творчестве Ф. Достоевского: «Любовь у Достоевского исключительно дионисична. Путь человека у Достоевского есть путь страдания. Любовь у него – вулканическое извержение, динамитные взрывы страстной природы человека» [2, с.273]. Но исследователь также не раскрывает полноту любви, выраженную в творчестве Ф.М. Достоевского. По мнению Н. Бердяева, любви принадлежит огромное место в творчестве писателя, но это не самостоятельное место, то есть любовь у Ф.М. Достоевского не самоценна, она не имеет своего образа, она есть лишь раскрытие траги-

ческого пути человека, есть испытание человеческой свободы [2, с.274].

Высказанные замечания о неполноте описания феномена преобразенной любви характерны для большинства исследователей творчества Ф.М. Достоевского, что открывает перспективу для нового философского исследования, которое (с учетом ограничения рамками статьи) целесообразно провести на материалах романа «Идиот» [6]. Как известно данный роман занимает особое место в творчестве писателя. Если в центре других его произведений стоят трагические образы мятежных героев – «отрицателей» (соответственно перед нами предстают образы «мятежной» любви), то в «Идиоте» писатель избрал своим главным героем «положительно-прекрасного» человека, стремящегося внести гармонию в нескладницу общественной жизни (соответственно раскрыл феномен преобразенной любви).

Цель исследования – выявить содержание феномена преобразенной любви в творчестве Ф.М. Достоевского на примере князя Мышкина.

Изложение основного материала. В греческом языке существует четыре понятия, освещающих четыре ключевых аспекта любви: эрос, агапе, филия и сторге.

Эрос – это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское или духовное, но всегда смотрящая на свой предмет «снизу вверх» и не оставляющая места для жалости или снисхождения [1, с.280]. Этот термин относится к любви-страсти, к ревностному и даже чувственному желанию [11, с.396]. Древние греки так и говорили: «эротомания» – «безумная» (безрассудная) любовь. С точки зрения Платона, эрос трактуется как стремление к красоте или благу, которое может быть как низменного, так и возвышенного характера. Таким образом, основные признаки эроса: пламенность и пылкость (вплоть до любви с первого взгляда), порывистость, безрассудство, ревность, собственничество и жадность, вожделение, гедонистичность и ненасытность (вплоть до страдания и болезни).

Агапе – любовь жертвенная и снисходящая к ближнему [5, V.1]. Она включает в себя элемент жалости и сострадания к предмету любви [12, с.45]. Это – способность уважать, заботиться, сопереживать по отношению к любому человеку. Основные признаки любви-агапе наиболее полно представлены в образе Христа и описаны апостолом Павлом в 13 главе первого послания к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [3].

Филия – это любовь-дружба, любовь-при-

язнь индивида к индивиду, внутренние симпатические переживания [8, с.583], обусловленные социальными связями и личным выбором [1, с.280]. Этот оттенок любви подразумевает под собой внутреннюю склонность к лицу, основанную на задушевной общности и близости, относится к каждому виду любви лиц, состоящих в каких-либо внутренне-близких отношениях. Основные признаки филии заключаются в проявлении доверия, понимания, открытости, общности интересов и одинаковых взглядов.

Сторге представляет собой не любовь-страсть или склонность к лицу или вещи, не позыв к объекту, определяющее наше стремление, а спокойное и непрерывное чувство – любовь-привязанность. В этом случае любящий воспринимает объект любви как принадлежащий ему, тесно с ним связанный, и в этом восприятии обретает душевный мир. Такова нежная, спокойная и уверенная любовь родителей к их детям, мужа к жене, гражданина к отечеству [11, с.397]. При рассмотрении любви-привязанности можно выделить такие основные ее проявления, как обретение душевного спокойствия, необходимость и привязанность к объекту любви, тоску, в связи с потерей привычного образа жизни.

Итак, вслед за греческим языком в данной работе будем различать четыре ключевых аспекта любви: эрос, агапе, филию и сторге. Обратим внимание на то, что каждый из указанных аспектов может представать в своем искаженном или преображенном виде. Отличие преображенной любви в ее созидательности и возвышенности. Примером осмысления преображенного вида любви нам послужит исследование Б. Вышеславцева «Этика преображенного эроса».

Рассмотрим первый аспект любви – любовь-эрос, который проявляется в образе князя Мышкина через следующие признаки: стремление к красоте и восхищение ею, пламенность и пылкость, безрассудство и исступление.

Впервые у князя Мышкина проявляется пылкое чувство восхищения красотой при виде портрета Настасьи Филипповны в доме генерала Епанчина: «Так это Настасья Филипповна? – промолвил он, внимательно и любопытно поглядев на портрет: – удивительно хороша! – прибавил он тотчас же с жаром» [6, с.33]. Первое, что поразило его в этой незнакомке, была красота, состоящая из сочетания противоречивых черт. Лицо ее таило загадку, ответ на которую он желал найти. «Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. Эта ослепляющая красота была даже невыноси-

ма, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» [6, с.85].

Пылкость как проявление любви раскрывается также в минуту созерцания князем портрета Настасьи Филипповны. В тот момент чувства, нахлынувшие на него, были столь велики, что он не смог совладеть с ними и в порыве «поспешно приблизил портрет к губам и поцеловал его» [6, с.85].

Примером проявления признака безрассудства служит сцена первой встречи князя с Настасьей Филипповной. Увидев эту женщину наяву, Лев Николаевич испытал такое исступление, что не смог совладеть с собою. На мгновение он забылся и не мог дать отчет о происходящем. Его переполняли чувства, мысли беспорядочно путались, и все его существо было «парализовано». Будучи в замешательстве, князь «хотел было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорил и с шубой, которую поднял к полу, пошел в гостиную» [6, с.108]. Лев Николаевич испытывает волнение и трепет: «Перед самым входом в гостиную князь вдруг остановился и с необыкновенным волнением, спеша, прошептал ей: «В вас все совершенство» [6, с.148]. После встречи с Настасьей Филипповной его желание вновь увидеть предмет своего восхищения было столь велико, что он идет в дом Барашковой, зная наперед, что будет поднят на смех и осужден. Так проявляется безрассудное желание видеть предмет своего вождения вопреки всем препятствиям.

Все перечисленные примеры отчетливо демонстрируют какой-либо из признаков любви-эроса. На первый взгляд может показаться, что эротическая любовь князя имеет скорее искаженный, нежели преображенный характер. Но красота, которая привлекает князя, имеет, прежде всего, внутренний, а не внешний (то есть телесный) характер. Не случайно Лев Николаевич задумывается о том, что если бы такая красота была добра, тогда по его слову, все было бы спасено. Обратим также внимание на любовь князя к красоте природы, которую он с такой пылкостью испытывал в Швейцарии, что также свидетельствует о преображенном характере его любви-эроса.

Рассмотрим второй аспект любви – любовь-агапе, который проявляется в образе князя Мышкина через следующие признаки: жалость, сострадание, жертвенность, заботу, прощение.

Князь Мышкин, окунувшись в атмосферу страданий и лишений, в которых жила Настасья Филипповна, проникся сочувствием к ней и желанием помочь этой несчастной. Любовь-эрос как стремление к красоте тесно переплетается в душе Мышкина с любовью-агапе. Но последняя достигает таких величин, что всякая страсть (то есть искаженный эрос) ис-

чезает. Страстная любовь-эрос преобразуется: «И разве одну только страстность внушает ее лицо? Да и может ли даже это лицо внушать теперь страсть? Оно внушает страдание, оно захватывает всю душу» [6, с.240]. Князь так и говорит: не любовью люблю, а жалостью. Чувство жалости не покидало князя с момента их знакомства: «Лицо это еще с портрета вызывало из его сердца целое страдание жалости; это впечатление сострадания и даже страдания за это существо не оставляло никогда его сердца» [6, с.365].

Мышкин с самого начала осознавал, что не любим восхищавшей его женщиной, однако стремился понять ее, дабы помочь. Намерения его заключались не в том, чтобы заслужить ее любовь. Он понимал, что она никогда его по-настоящему не полюбит, т.к. слишком горда, но в том, чтобы помочь сбросить груз не дающий встать ей из грязи, в которой по ее мнению, она погрузилась. Князь считает, что «любить страстно эту женщину – почти немислимо, почти было бы жестокостью, бесчеловечностью» [6, с.240], что сострадание «есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [6, с.241]. Он знал, что не сможет не пожертвовать своим счастьем и душевным покоем ради Настасьи Филипповны, так как свою собственную судьбу он слишком дешево ценил и добровольно обрекал себя на страдания ради счастья этой женщины. Таким образом, чувство самопожертвования у князя было очень велико.

Князь проявляет также и заботу об окружающих его людях, не требуя ничего взамен. Так, Лев Николаевич хочет уговорить поехать Настасью Филипповну за границу для поправления здоровья, считая ее очень расстроенной и телом, и душой, и нуждающейся в большом уходе. Мучительная страсть Рогожина пугала его, и он всячески пытался быть поблизости, чтобы помочь Настасье Филипповне и защитить ее [6, с.453]. Подтверждением служит также письмо Антипа Бурдовского, из которого мы узнаем, что князь по доброте душевной помог его больной матери. А Ипполит даже утверждал, что князь его нянька! [6, с.389].

Князь Мышкин тонко понимал душу человека. Он осознавал, что люди не без изъянов и ими движут инстинкты и желания. Каждый человек в зависимости от силы воли, силы духа справляется со своими страстями в соответствующей мере. Поэтому князь не держал зла на своих обидчиков, а прощал их. Вспомним хотя бы случаи вымогательства денег со стороны дружков Бурдовского и посягательства на жизнь князя со стороны Рогожина.

Обратим внимание, что жалость, сострадание, жертвенность, забота, прощение как проявления любви-агапе имеют у князя ярко выраженный преобразованный характер. Его

любовь не знает границ и изливается на всех. Так, вспомним встречу князя с пьяным солдатом, который пытался продать оловянный крест, выдавая его за серебряный. Невзирая на обман, князь покупает его, при этом испытывает чувство скорби за человека, который находясь в плену страстей, был не в состоянии понять низость своего поступка. Мышкин не осуждает этого «христородавца», а жалеет: «Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается» [6, с.230]. Прекрасной иллюстрацией жалости, сострадания и заботы служат также отношения князя и Мари – скромной девушки из швейцарской деревушки, которую соблазнил и бросил проезжий французский комми [6, с.72].

Указанные примеры свидетельствуют о том, что преобразованная любовь-агапе имела максимальное выражение в поступках и мыслях князя Мышкина. Это зачастую представлялось непонятным («идиотским») для многих окружающих людей, у которых любовь-агапе не была выражена в такой степени.

Рассмотрим третий аспект любви – любовь-филию, который проявляется в образе князя Мышкина через следующие признаки: родственность душ, общность взглядов, взаимопонимание, доверие.

Родственность душ и общность взглядов – характерные признаки отношений князя Мышкина с близкими ему людьми. Доказательствами данному тезису служат, во-первых, письмо, написанное князем к Аглае Ивановне в самый тяжелый период его жизни. Во-вторых, слова Елизаветы Прокофьевны, адресованные князю: «Я ребенок и знаю это. ... Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим и очень рада; как две капли воды. Только вы мужчина, а я женщина и в Швейцарии не была; вот и вся разница» [6, с.82]. В-третьих, свидетельство Рогожина, которому князь высказал свое мнение о портрете его отца. По словам Парфена Семеновича данное мнение было сходно с суждением Настасьи Филипповны: «..вот точь-в-точь она это же самая говорила недавно, когда тоже этот портрет разглядывала! Чудно как вы во всем заодно теперь...» [6, с.223].

В своих отношениях с людьми князь Мышкин рассчитывает также и на взаимопонимание и доверие. Так, он утверждает относительно Аглаи Ивановны: «Она поймет, она поймет! ... Аглая Ивановна поймет! О, я всегда верил, что она поймет» [6, с.607]. Поразительным является доверие Настасьи Филипповны князю, которое по ее словам является взаимным: «А князь для меня то, что я в него в первого, во всю мою жизнь, как в истинно-преданного человека поверила. Он в меня с одного взгляда поверил, и я ему верю» [6, с.164].

Обратим внимание на преобразованный характер любви-дружбы князя Мышкина. Она,

будучи истинной, могла преображать людей, например Бурдовского, Келлера. Дело в том, что князь представлял собой человека, с которым большинство из героев романа стремились завязать дружбу: «Я пришел искать вашей дружбы, милый мой князь; вы человек бесподобнейший, то-есть не лгущий на каждом шагу, а может быть, и совсем, а мне в одном деле нужен друг и советник, потому что я решительно теперь из числа несчастных...» [6, с.387]. Это обстоятельство связано с тем, что Мышкин прежде всего сам умел быть настоящим другом – добрым и благородным: «Князь! Вы до того добры, до того простодушны, что мне становится даже вас жаль иногда. Я с умилением смотрю на вас; о, благослови вас Бог!» [6, с.524]. Или по слову Аглаи: «Здесь ни одного нет, который бы стоил таких слов! Здесь все, все не стоят вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех! Здесь есть недостойные нагнуться и поднять платок, который вы сейчас уронили» [6, с.358].

Рассмотрим четвертый аспект любви – любовь-сторге, который проявляется в образе князя Мышкина через следующие признаки: привязанность, дающая душевный покой или вызывающая тоску.

Проявление указанных признаков отметим у князя, во-первых, по отношению к швейцарским детям: «Товарищи мои всегда были дети, но не потому, что я сам был ребенок, а потому что меня просто тянуло к детям. ... Не знаю, но я стал ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущение при каждой встрече с ними... и я забывал тогда всю мою тоску. Потом же, во все эти три года, я и понять не мог, как тоскуют и зачем тоскуют люди? Вся судьба моя пошла на них. ... Когда я в Берлине получил оттуда несколько маленьких писем, которые они уже успели мне написать, то тут только я и понял, как их любил» [6, с.80]. Во-вторых, к Аглае и Настасье Филипповне. Ссоры с княжной были для Мышкина невыносимы. Но ему было не важно, как она с ним поступила: князь не обращает внимания на ее капризы и выходки. Он прощает ее, ведь для него составляло уже верх блаженства одно то, что он опять будет беспрепятственно приходить к Аглае, что ему позволят с нею говорить, с нею сидеть, с нею гулять, и, «... кто знает, – говорит Достоевский, – может быть, этим одним он остал-

ся бы доволен на всю свою жизнь!» [6, с.539]. Подобные чувства свидетельствуют не только о душевном покое Мышкина рядом с Аглаей, но также и необходимости ее присутствия: «Ведь он действительно, может быть, умрет без Аглаи, так что, может быть, Аглая никогда и не узнает, что он ее до такой степени любит!» – думал Евгений Павлович [6, с.608]. Вспомним также желание Мышкина продлить время пребывания с умершей Настасьей Филипповной.

Анализируя любовь-сторге, подчеркнем, что она у князя Мышкина не была потребительской и эгоистичной. Подтверждением ее преображенного характера служит то, что многие окружающие князя люди (например, дети в Швейцарии, Лебедев, Павлицев, Елизавета Прокофьевна, Евгений Павлович) сами очень крепко были привязаны к нему.

Выводы. Ф.М. Достоевскому на примере князя Мышкина удалось описать феномен преображенной любви в полноте четырех аспектов: эроса, агапе, филии, сторге, которые могут носить искаженный или преображенный характер. В преображенном виде любовь созидательна, она способна духовно преображать не только ее носителя, но и людей вокруг.

В любви князя Мышкина проявляются все основные признаки любви-эроса, в частности: стремление к красоте и восхищение ею, пламенность и пылкость, безрассудство и иступление, которые несут положительное значение, то есть свидетельствуют, что его любовь-эрос была иерархически направлена на более возвышенные блага. Любовь-агапе составляет сердцевину феномена преображенной любви. Она имеет следующие свойства: жалость, сострадание, жертвенность, заботу, прощение. Любовь-агапе и любовь-эрос тесно переплетаются в душе Мышкина. Но за счет доминирования любви-агапе, любовь-эрос наряду с другими аспектами любви преображается, становясь из страстного бесстрастным. Любовь-филия проявляется у князя Мышкина как родственность душ, общность взглядов, взаимопонимание, доверие, а любовь-сторге в привязанности, вызывающей душевный покой или тоску.

Таким образом, перефразировав Л. Карсвина [7], можно сказать, что в творчестве Достоевского не только Карамазов является идеологом любви (в данном случае ее искаженного варианта), а, прежде всего, князь Мышкин выступает идеологом преображенной любви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверинцев С. София-Логос-Словарь. Собрание сочинений [Текст] / Сергей Аверинцев ; Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – К. : Дух і Літера, 2006. – 912 с.
2. Бердяев Н. Любовь у Достоевского [Текст] // Русский Эрос, или Философия любви в России / [Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков]. – М. : Прогресс, 1991. – С. 273-283.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : В русском переводе с параллельными местами [Текст] / Российское библейское общество. – Перепеч. с изд. Московской Патриархии. – М. : Российское библейское общество, 1997. – 1376 с.

4. Вышеславцев Б. Достоевский о любви и бессмертии [Текст] // Русский Эрос, или Философия любви в России / [Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков]. – М. : Прогресс, 1991. – С. 364-376.
5. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия [Текст] / А.Б. Демидов. – Минск : Экономпресс, 1999. – 180 с.
6. Достоевский Ф.М. Идиот : Роман / Ф.М. Достоевский. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2012. – 640 с. - Мировая классика.
7. Карсавин Л. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви [Текст] // Русский Эрос, или Философия любви в России / [Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков]. – М. : Прогресс, 1991. – С. 350-363.
8. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон [Текст] / А.Ф. Лосев. – Печ. по изд. 1969 г. – М. : АСТ ; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.
9. Мережковский Д. Любовь у Л. Толстого и Достоевского [Текст] // Русский Эрос, или Философия любви в России / [Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков]. – М. : Прогресс, 1991. – С. 151-166.
10. Орвин Д. «Идиот» и проблема любви к другим и себялюбия в творчестве Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] / Донна Орвин ; Пер. с англ. Татьяна Бузиной // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения : Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / РАН ; Под ред. Т.А. Касаткиной. – М. : Наследие, 2001. – Режим доступа : <http://komdost.narod.ru/orvin.htm>.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Т. 1 [Текст] / П.А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
12. Чанышев А.Н. Любовь в античной Греции [Текст] // Философия любви. В 2 ч. Ч.1 / Под общ. ред. Д.П. Горского ; сост. А.А.Ивин. – М. : Политиздат, 1990. – С. 36-67.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013

REFERENCES:

1. *Averyncev, S.* Sofyja-Loghos-Slovarj. Sobranye sochynenyj (Sofia Logos dictionary. Collected Works). Kyiv, 2006. 912 p.
2. *Berdjaev, N.* Ljubovj u Dostoevskogho. Russkyj Eros, yly Fylosofyja ljubvy v Rossyy (Love of Dostoevsky. Russian Eros, or philosophy of love in Russia). Moscow, 1991. pp. 273-283.
3. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta : V russkom perevode s parallel'nymi mestami (Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament in Russian translation with parallel places). Moscow, 1997. 1376 p.
4. *Vysheslavtsev, B.* Dostoyevskiy o lyubvi i bessmertii. Russkyj Eros, yly Fylosofyja ljubvy v Rossyy (Dostoevsky about love and immortality. Russian Eros, or philosophy of love in Russia). Moscow, 1991. pp. 364-376.
5. *Demidov, A.B.* Fenomeny chelovecheskogo bytiya (Phenomena of human existence). Minsk, 1999. 180 p.
6. *Dostoyevskiy, F.M.* Idiot (Idiot). St. Petersburg, 2012. 640 p.
7. *Karsavin, L.* Fedor Pavlovich Karamazov kak ideolog lyubvi. Russkyj Eros, yly Fylosofyja ljubvy v Rossyy (Fyodor Pavlovich Karamazov as the ideologue of love. Russian Eros, or philosophy of love in Russia). Moscow, 1991. pp. 350-363.
8. *Losev, A.F.* Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon (History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato). Moscow, Kharkov. 846 p.
9. *Merezhkovskiy, D.* Lyubov' u L. Tolstogo i Dostoyevskogo. Russkyj Eros, yly Fylosofyja ljubvy v Rossyy (The love of Tolstoy and Dostoevsky. Russian Eros, or philosophy of love in Russia). Moscow, 1991. pp. 151-166.
10. *Orvin, D.* «Idiot» i problema lyubvi k drugim i sebyalyubiya v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo («The Idiot» and the problem of love for others and self-love in the works of Fyodor Dostoevsky). *Roman F. M. Dostoyevskogo «Idiot»: sovremennoye sostoyaniye izucheniya.* Regime to access: <http://komdost.narod.ru/orvin.htm>.
11. *Florenskiy, P.* Stolp i utverzhdeniye istiny (Pillar and Ground of the Truth). vol. 1. Moscow, 1990. 490 p.
12. *Chanyshchev, A.N.* Lyubov' v antichnoy Gretsii. Filosofiya lyubvi (Love in ancient Greece. Philosophy of Love). vol. 1. Moscow, 1990. pp. 36-67.

Шаталович Александр Михайлович – кандидат философских наук, доцент
Национальная металлургическая академия Украины
Адрес: 49000, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 4
E-mail: popovich_o_v@pstu.edu

Бойко Инна Владимировна – студент
Национальная металлургическая академия Украины
Адрес: 49000, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 4

Shatalovich Aleksandr Mikhaylovich – PhD in philosophy, associate professor
National metallurgical academy of Ukraine
Address: 4, Gagarina Avenue, Dnipropetrovsk, 49000
E-mail: popovich_o_v@pstu.edu

Boyko Inna Vladimirovna – student
National metallurgical academy of Ukraine
Address: 4, Gagarina Avenue, Dnipropetrovsk, 49000